18+

Яся Напримерова
Академия Ветра и Пепла

Яся Например
ова

Академия Ветра и Пепла

https://litres.ru/74928673
ISBN 9785007168854

Аннотация

Кира Сольвена приезжает в Академию Пламени с двумя вещами:

сундуком, кулоном из дыма — и запретом матери: «Здесь всё читают. Даже воздух.

Никогда не говори в стенах Академии полного имени». Но Академия знает её лучше, чем она сама. В её камине шепчет зола. На руинах старого здания её ждут слёзы огня. А раз в столетие Академия открывает старые договоры — и требует плату: память.

Содержание

АКАДЕМИЯ ВЕТРА И ПЕПЛА 5
Глава 2 26
Глава 3 50
Глава 4. Правила пепла 62
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Академия Ветра и Пепла

Яся Напримерова

© Яся Напримерова, 2026

ISBN 978-5-0071-6885-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АКАДЕМИЯ ВЕТРА И ПЕПЛА
1 Глава

Кира не думала, что Академия Ветра и Пепла пахнет страхом.

Она стояла у высоких ворот и сжимала лямку рюкзака так, что пальцы побелели. Пахло не гарью, как она почему-то ожидала, и не дымом, а чем-то странным — раскаленным камнем, остывающим после долгого дня, и едва уловимой горькой травой, которую здесь, видимо, жгли вместо благовоний. Запах был чужой. Как и всё остальное.

За спиной, за холмом и тремя днями пути, остался приморский городок Сольвена, где огонь был просто огнем: он грел чайники, освещал веранды, трещал в кострах на пляже и никогда не разговаривал. Там, если пламя вспыхивало слишком сильно, бабушка молча прикрывала его колпаком и говорила: «Огонь, милая, любит внимание. Не давай ему повода». Она никогда не спрашивала, почему в доме Киры спички всегда лежали отдельно, а свечи зажигали только в её отсутствие.

Никто в Сольвене не спрашивал. Все просто знали.

Три года назад, когда Кире было двенадцать, в рыболовной лавке старого Мадда вспыхнула полка с маслом. Никто не стоял рядом с печью, никто не нёс свечу. Разве что Кира

ждала за прилавком свою очередь — и весь день перед этим злилась, потому что отец опять не взял её в море. Огонь начался за её спиной, а закончился сам, в ту самую секунду, когда Кира выбежала на улицу, рыдая от страха. Старый Мадд смотрел на неё потом так, как смотрят на приближающуюся бурю: молча и заранее зная, что будет дальше.

Через неделю отец отвёз её к лекарке, которая жила на отшибе. Та долго смотрела на ладони Киры, потом на её глаза, затем молча вышла из комнаты и вернулась со старой книгой, переплёт которой был оплавлен, будто её достали из костра. «Слышащие», -сказала она только. И добавила: «В столице такие давно не рождаются. Отвези её тудв, где горят не свечи, а горы».

Так Кира и оказалась здесь — перед воротами Академии Ветра и Пепла, с письмом о зачислении, сложенным в четыре раза в нагрудном кармане, с бабушкиным оберегом из обожжённой глины на шее и с предупреждением, которое она слышала столько раз, что оно отпечаталось у нее на подкорке: *Никому не говори, что слышишь пламя. Ни при каких обстоятельствах. Никогда.*

Ворота открылись с тяжелым скрипом, будто не хотели пускать.

За воротами раскинулся огромный двор, выложенный тёмным камне, который будто впитывал свет и отдавал его нехотя, с большим трудом. По краям двора стояли высокие светильники: пламя в них горело ровно, неестественно ров-

но, как будто его держали невидимые руки. Ни одного дрожащего языка, ни одной искры. Кира поймала себя на том. Что не может вспомнить, когда видела огонь, который вёл себя так… старательно.

И всё же она слышала его шёпот.

Он не был похож на слова — вернее, слова были, но доносились как из под толщи воды: тяжёлые, гулкие, обрывочные, похожие на эхо в пустой комнате, где кто-то бормочет во сне. Шёпот шёл со всех сторон сразу, из каждого светильника, и слить его в один смысл было невозможно.

«Не верь тем, кто молчит…»

Кира вздрогнула и быстро огляделась. Никто не смотрел на неё. Студенты в серо-пепельных мантиях проходили мимо, переговариваясь в полголоса, будто боялись, что стены подслушают. Некоторые бросали на неё короткие оценивающие взгляды — не враждебные, но и не приветливые. Взгляды как на незнакомую вещь, которую ещё непонятно, выбросить или рассмотреть.

При этом Кира знала, что именно они замечают в ней первым делом: её не вписывающуюся в этот двор внешность. Она была невысокой и хрупкой, будто ветер мог унести её, если бы она не держалась за лямку рюкзака изо всех сил. Её волосы, выгоревшие на морском солнце до оттенка светлого песка, вились непослушными прядями, и сколько бы она ни пыталась заплести их в тугую косу, к полудню они все равно выбивались и падали на лицо, закрывая глаза. Она привык-

ла прятаться за этими прядями — так было проще не встречаться взглядом с чужими подозрениями.

Кожа у Киры была светлая, с россыпью веснушек на носу и скулах — будто кто-то рассыпал по её лицу щепотку корицы. На Сольвенском солнце они темнели к июлю, а здесь, среди камня и пепла, казались неуместными, почти кричащими. На запястье у неё была потертая обмотка из грубой ткани — не крашение, а привычка: в шторм отец учил её крепко держаться за веревку, и теперь она бессознательно обматывала руку, когда становилось страшно.

— Эй, не стой столбом, — раздалось рядом — Тут не музей.

Кира обернулась.

Перед ней стоял парень примерно её возраста — выше её на голову, с тёмными, почти чёрными волосами, собранными так туго, что, казалось, ни один волосок не смеет выбиться. Его мантия сидела идеально, складки лежали ровно, будто он родился в ней. Глаза были серые — не как туман и не как сталь, а как остывший пепел, если на него долго смотреть. Холодные. Спокойные. Такие глаза она не видела у себя в городе, во всяком случае, у людей.

— Извини, я просто….- Кира запнулась. — Просто смотрю.

— В академии не смотрят, -сказал он тем ровным голосом, каким, наверное, произносят свод погоды. — В Академии учатся не отвлекаться. Времени, которое ты потратила

на этот двор, хватит, чтобы выучить первую связку для стабилизации пламени. Ты её, судя по всему, не знаешь.

Кира почувствовала, как к лицу приливает жар, и возненавидела себя за это: покраснеть перед этим парнем было всё равно, что расписаться в собственной беспомощности. Она знала, что краснеет пятнами — на шее и скулах проступали яркие дорожки, которые невозможно было спрятать за прядями волос.

— Я Кира. Меня зачислили в набор этого года, — сказала она вместо всего, что хотела ответить.

— Знаю. Новички прибывают последними, -он бросил короткий взгляд на её рюкзак, на стоптанные ботинки, на потёртую у запястья обмотку, которой она подпоясывала дорожный плащ, и что-то в его лице едва заметно изменилось. Возможно, ничего. Возможно, только усилилось призрение.-Кай.

Он не протянул руки. Он вообще, кажется, не собирался ни здороваться, ни представляться — имя было произнесено в порядке обмена информацией, не более.

— Ты пойдёшь со мной? — он уже повернулся к дворцу. — Вводное занятие для новичков начинается через четверть часа. Если опоздаешь, ректор решит, что ты не уважаешь дисциплину. А здесь это хуже, чем не знать заклинаний.

Кира поспешила за ним, стараясь не смотреть на огни. Но

они не давали забыть о себе. Они тянулись, шептали, царапали слух — и что хуже всего, рядом с Каем шёпот менялся. Когда он проходил мимо светильника, пламя чуть поднималось, будто кланялось, и шёпот смолкал. Полностью. Как будто огонь боялся говорить при нём.

«Потому что он дракон», — шепнул внутренний голос, и Кира заставила себя не отшатнуться.

Все в Сольвене знали, что Академию Ветра и Пепла основали драконы. Знали и то, что драконы умеют принимать человеческий облик — красиво, безупречно, до последней складки на мантии. Но знать и видеть — вещи разные. Кира смотрела на ровную спину Кая впереди и понимала, что идёт в глубь чужого мира, и единственное живое существо рядом с ней — это пламя в светильниках. Существо, которое шепчет.

Они шли через двор мимо колоннады, и Кира заметила на капителях выгравированные имена. Десятки имён, сотни. Она успела разобрать ближайшее: «Арен Тихокрыл, сорок третий год Новой Эры». Под ним — другое, третье, и у некоторых рядом с именем был вырезан маленький знак — полумесяц из языков пламени.

— Что это? — не удержалась она.

Кай даже не обернулся.

— Память. Имена тех, кто сжёг себя заживо в Пламенной Клятве, чтобы скрепить договор между кланами и людьми. — Пауза была ровно такой длины, чтобы Кира успела сглотнуть. — Здесь принято считать это героизмом. Тот, кто поймёт почему, останется. Тот, кто не поймёт, — уедет до первой зимы. Статистика, кстати, устойчивая: две трети.

— А ты веришь в это? В героизм?

— Я верю в дисциплину, — ответил Кай. И это был первый раз, когда его голос дрогнул. Совсем чуть-чуть, на полуслоге, так, что другой бы и не заметил. Но Кира всю жизнь слушала то, что говорят не словами. Она заметила.

Вводное занятие проходило в большом зале под главным куполом. Зал был круглым, амфитеатром поднимающимся вверх, и пол его — чёрный камень с вкраплениями слюды — поблёскивал, как застывшая вода. Студентов набралось человек тридцать: новичков, распределённых по способностям к стихиям. Кира села в нижний ряд, ближе всех к центру, потому что не успела понять, где сидят «свои», а где «чужие».

Рядом с ней оказалась невысокая девушка с рыжими, жи-

выми волосами, заплетёнными в небрежную косу, и с таким количеством колец на пальцах, что, кажется, она не могла полностью согнуть кисть.

— Новенькая? — шёпотом спросила она, даже не представившись. — Не отвечай, и так вижу. У тебя мантия ещё пахнет морем и у тебя взгляд человека, который считает выходы. Я Виви. Запомни это имя, через год оно будет греметь. Ну, или хотя бы не давать мне умереть со скуки.

Кира не смогла сдержать улыбку. Впервые за весь день что-то отозвалось теплом.

— Кира.

— О, «слышащая» из портового города! — Виви понизила голос ещё сильнее. — Слухи в Академии распространяются быстрее заклинаний. У нас тут за неделю до твоего приезда уже трижды успели обсудить, что в этом наборе будет девушка, от которой вспыхивают вещи. Успокою: у половины новичков вещи вспыхивают. Правда, только когда они на них смотрят.

— А у тебя?

— У меня? — Виви показала ладони, усеянные кольцами.

— Молния. Отец до сих пор носит перстень-громоотвод и называет это «отцовской любовью».

— Тихо, — произнёс кто-то сзади, и Виви мгновенно умолкла.

Преподаватель вошёл без двери — точнее, Кира не заметила, чтобы открылась дверь. Он просто оказался в центре зала, как будто шагнул прямо из тени, и стало ясно, почему зал внезапно затих. Это был дракон.

В человеческом облике он выглядел как высокий мужчина с лицом, будто высеченным из камня: резкие линии, тяжёлые веки, кожа с сероватым отливом. Но мантия на нём двигалась как-то иначе, чем у людей: складки переливались и шевелились, будто под тканью лежали чешуйки. И глаза — глаза были вертикальные, как у змеи, только золотые и не холодные, а… равнодушные. Это было страшнее.

— Меня зовут Наставник Ордан, — сказал он. — Я преподаю основы стихий. В этом зале вы впервые прикоснётесь к огню не как к инструменту, а как к дисциплине.

Он говорил долго, и Кира старалась запоминать всё: о балансе стихий, о контроле, о том, что сила без дисциплины опасна, о том, что пламя — «не живое существо, а вопло-

щение энергии, и никакая эмоциональность не оправдывает его выхода». Кира старалась дышать ровно. Она знала эту лекцию наизусть — не по словам, а по смыслу: её повторяли в каждом письме из Академии, в каждом напутствии перед отъездом. «Вы должны научиться не чувствовать. Вы должны научиться управлять».

Но огонь не хотел управляться. И не хотел, чтобы она перестала его чувствовать.

Потому что пока Ордан говорил, Кира слышала шёпот. Он поднимался откуда-то снизу, из-под каменного пола, из жаровен в углах зала, из скрытых светильников вдоль стен. Слова были обрывочные, но чем дольше она слушала, тем больше выстраивались в странную, беспокоящую мозаику:

«…не ждут…»

«…нарушен…»

«…кто забрал?»

— Новички, — голос Ордана разрезал её мысли. — Подойдите к центру. Каждый создаст пламя на ладони. Небольшое. Устойчивое. В течение десяти ударов пульса.

Первым вышел высокий парень из соседнего ряда. Пламя в его ладони вспыхнуло ровно, красиво, как в учебниках. Ордан даже не кивнул — просто перевёл взгляд на следующего. Так работает признание: когда всё правильно, никто не смотрит.

Виви создала пламя с громким щелчком, и оно на миг стало фиолетовым. Ордан впервые наклонил голову.

— Излишняя пестрота. Уберите.

— Это не пестрота, это характер, — пробормотала Виви, но огонь послушно стал обычным.

А потом настала очередь Киры.

Она вышла в центр и почувствовала, как шёпот — мгновенно, как будто двери открыли — стал громче. Огонь со всех сторон потянулся к ней, потянулся так явно, что она на секунду закрыла глаза, потому что испугалась: а вдруг остальные тоже это видят?

Кира закрыла глаза и попыталась сделать всё правильно: представить тепло, собрать его в точку, удержать.

Пламя вспыхнуло.

Яркое. Неровное. Живое.

Оно затрепетало, потянулось вверх, будто пыталось вырваться из ладони, будто хотело что-то сказать, и в его трепете Кира услышала — ясно, громче, чем когда-либо:

«Договор нарушен там, где не ждут».

— Стабилизируйте, — сказал Ордан ровно.

Кира открыла глаза. Пламя дрожало в её руке, всё выше, всё ярче, и она изо всех сил пыталась его сжать, сузить, усмирить, но оно шло сквозь пальцы, как вода, как ветер, как что-то, чего она никогда не сможет удержать.

А потом оно перелетело.

Всего на секунду — на длинную секунду, растянувшуюся, как вечность, — огонь вырвался из её руки и перекинулся на край ближайшего стола, поджигая старую карту, разложенную для примера.

Зал замер.

Пламя шипело, пожирая пергамент, и в этом шипении Кира снова услышала те же слова — теперь они были не шёпотом, а криком, как будто карта горела не огнём, а словами:

«Договор нарушен там, где не ждут».

Она отдёрнула руку, но было поздно. Карта уже превратилась в пепел.

Тишина была громче любого крика. Тридцать пар глаз смотрели на неё. Виви смотрела. Ордан смотрел. И Кай — Кай стоял у стены и смотрел тоже, но смотрел не как остальные. Не с ужасом и не с осуждением.

С любопытством.

Ордан медленно опустил взгляд на Киру.

— Кто ты такая, что огонь не слушается тебя? — спросил он тихо, и от этого тихого голоса по залу пробежал холодок. — Люди приходят сюда учиться владеть пламенем. Пламя не выбирает. Оно подчиняется. Тридцать лет я не видел, чтобы оно бросалось на исторические документы.

— Простите, — выдавила Кира. — Я не хотела. Я не…

— Не хотела, — повторил Ордан. — Пламя не «хочет» и не «не хочет». Оно есть. Или его нет. — Он сделал шаг к ней, и Кира инстинктивно отступила. — Ты — из «слышащих»?

Кира почувствовала, как кровь отливает от лица. Она не знала, что это слово кому-то известно за пределами её городка. Она не знала, что это слово вообще кому-то известно.

— Я не понимаю, о чём вы, — сказала она и возненавидела себя за то, как дрожит голос.

— Именно так, — кивнул Ордан. — Именно это я и подумал.

Рядом с ней, неожиданно близко, прозвучал спокойный голос Кая:

— Возможно, дело не в том, что огонь её не слушается. А в том, что он пытается ей что-то сказать.

Зал медленно повернулся к нему.

Кира тоже повернулась. Кай стоял ровно, руки за спиной, лицо — идеальная маска спокойствия. Но Кира, которая всю жизнь училась читать то, что не говорят словами, увидела то, чего не видели другие: его пальцы за спиной были сжаты в

кулаки так, что побелели костяшки.

— Это было бы интересно, — медленно сказал Ордан, — если бы молодым людям в этом зале занимались стихией, а не теорией.

— Разве теория не часть стихии? — Кай чуть наклонил голову. — Вы сами говорили: пламя — это энергия. Энергия несёт информацию. Значит, кто-то, кто слышит информацию, должен уметь с ней работать. Это логично.

— Логично, — повторил Ордан. Голос его был не согласным и не насмешливым, а скорее изучающим, как будто он впервые заметил в этом зале что-то необычное. — Молодой человек, кто тебя учил рассуждать?

— Академия, — ответил Кай.

Ордан посмотрел на него ещё секунду. Потом повернулся к залу.

— Занятие окончено. Все, кроме Вас, — он посмотрел на Киру. — И Вас, — он перевёл взгляд на Кая. — Вы останетесь.

Шум, с которым тридцать студентов одновременно встали

и начали собираться, был, возможно, самым честным звуком за весь день. Виви задержалась на секунду, чтобы прошептать Кире: «Не бойся. Он и меня оставлял. Я потом неделю не спала, но жива же».

И вышла.

Когда зал опустел, Ордан сделал движение рукой — и по периметру зала встали стены огня, тонкие, ровные, беззвучные. Замкнутый круг. Кира невольно отшатнулась, и пламя тут же откликнулось: языки на её стороне стены поднялись, потянулись, зашептали — теперь уже не обрывками, а почти словами, почти ясно.

«Не бойся. Мы видим тебя».

Кира сглотнула и заставила себя не смотреть на огонь.

— Вы будете оставаться здесь после каждого занятия, — сказал Ордан, глядя на неё сверху вниз. — И на каждом занятии вы будете показывать мне, что огонь не контролирует вас.

— А если он будет? — спросила Кира, не поднимая глаз.

— Тогда Академия решит, что делать с «слышащими» в

этом поколении. — Пауза. — Решения прошлого были… жёстче.

Кира подняла голову.

— Что значит «жёстче»?

Ордан не ответил. Он повернулся к Каю.

— А ты, — сказал он, — молодец, что подумал за неё. В следующий раз подумай, чем это тебе обойдётся.

— Я подумал, — ответил Кай ровно. — Цену я знаю.

— Знаешь ли ты цену? — Ордан впервые за всё занятие усмехнулся. Улыбки это не было. — Ты Кай Тарен. Третий в роду Первого Пламени. Ты знаешь, что происходит с теми, кто в этом роду начинает разговаривать с людьми как с равными?

Кира видела, как дрогнуло плечо Кая. Едва заметно, на волос. Но дрогнуло.

— Я знаю, — сказал он.

— Тогда знаем оба. — Ордан развёл руками, и стены огня

исчезли так же бесшумно, как появились. — Идите. Ужин через час. Обоим, — он посмотрел на Киру, — быть в зале Совета в семь. Ректор хочет тебя видеть.

И он вышел, как вошёл: растворившись в тени, без звука шагов.

В зале остались только двое.

Кира стояла и не могла пошевелиться. Её колени дрожали, ладони всё ещё горели, а сердце колотилось так, будто оно хотело выпрыгнуть из груди и убежать из Академии без неё. Она думала, что будет страшно. Она не думала, что будет так — словно её разрезали и вывернули наизнанку перед тридцатью незнакомыми людьми.

Рядом раздался шаг. Кай подошёл и остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Ты соврала, — сказал он. Спокойно. Без осуждения. Как констатацию.

Кира обернулась.

— Я не знаю, о чём ты.

— Ты знаешь, о чём я. Ты слышала его до того, как вошла в зал. Я видел твоё лицо у ворот. Ты слышала огонь из светильников.

Кира молчала. Она не знала, что сказать — отрицать или признаться, доверять или бежать. Всё, чему её учили дома, кричало: молчи. Всё, что произошло сегодня, кричало: он прав, и он видел.

— Я не скажу никому, — сказал Кай, будто прочитал её мысли. — По крайней мере, не сегодня.

— Почему? — вырвалось у Киры.

Кай посмотрел на неё долгим взглядом. Впервые за весь день его лицо перестало быть маской — и на одну секунду сквозь неё проступило что-то другое. Усталость? Страх? Может быть, что-то ещё, чего Кира пока не могла назвать.

— Потому что, — сказал он медленно, — если ты правда слышишь пламя… — он понизил голос, хотя в зале, кроме них, никого не было, — то ты первая за последние сто лет, кто может услышать то, что я не могу.

— Что ты не можешь?

Кай не ответил. Он развернулся и пошёл к выходу, и только у самой двери остановился. Не оборачиваясь, он сказал:

— Ужин в семь. Совет. Не опаздывай.

— А ты?

Он чуть повернул голову — ровно настолько, чтобы она увидела профиль.

— Я иду в библиотеку, — сказал он. — Похоже, у нас обоих есть вопросы, на которые здесь не отвечают.

Двери за ним закрылись, и Кира осталась одна в огромном зале под куполом, среди чёрного каменного пола и пепельных мантий, оставшихся в памяти. Где-то в стенах зашуршало пламя, тихо-тихо, как будто его успокаивали.

«Не бойся», — прошептало оно снова.

И впервые за весь день Кира была почти готова ему поверить.

Потом она вспомнила слова бабушки, слова лекарки, слова старого Мадда, который смотрел на неё как на приближающуюся бурю. Никому не говори, что слышишь пламя.

Слишком поздно, подумала Кира. Сегодня я сказала — и не словом, а огнём.

Она подняла рюкзак, поправила бабушкин оберег на груди и пошла искать зал Совета. Дорогу ей указал единственный живой огонь в коридоре — тот, что горел над аркой в дальнем конце, ровно, старательно, как и все огни здесь. Но в его горении Кира снова расслышала слова — тихие, почти нежные, почти приглашение:

«Иди. Ждут тебя».

Она сделала шаг — и поняла, что сегодня впервые в жизни не боится огня.

Боится того, что он расскажет дальше.

Глава 2

У Киры было три причины приехать последней, и все три звучали в её голове как оправдания, хотя были чистой правдой.

Первая: письмо о зачислении пришло в Сольвену с опозданием почти на месяц. Курьер, доставлявший почту в приморские городки, объяснял это «перебоями на западном тракте», но бабушка только усмехнулась: «Перебои на тракте — это когда колёса увязли. А когда почта не едет в порт — это когда кто-то не хочет, чтобы она ехала». Кира тогда не поняла, к чему это. Сейчас, стоя под сводами Академии, она начинала понимать всё больше.

Вторая: ей действительно нужен был попутный караван. Поодиночке дорога от Сольвены до столицы занимала больше недели — через холмы, где ещё в прошлую осень видели одичавших крылатых тварей, и через перевал Сорочью Гряду, где ветер дул так, что сбивал с ног взрослых дровосеков. Караван шёл реже, чем дожди: раз в две недели, если не случалось штормов.

А третья причина была самой простой и самой честной: она боялась ехать. И оттягивала до последнего дня, когда от-

кладывать стало уже невозможно.

Но раз уж всё так вышло, Кира решила извлечь из этого пользу: три дня каравана — это три дня, чтобы вспомнить всё, что она знала о столице и об Академии. А знала она на удивление много — не из книг, которых в Сольвене почти не было, а из рассказов.

Рассказов бабушки.

Бабушка в молодости была не простой, а самой упрямой девушкой на побережье — по крайней мере, так говорила она сама, и никто не спорил, потому что упрямства в ней действительно хватало до сих пор. И было у неё правило: перед любым важным делом — севом, продажей улова, проводами внучки в столицу — она садилась у очага, наливала себе травяного отвара и начинала рассказывать. Не просить и не учить. Рассказывать. Кира давно поняла, что это способ передать главное: истории, которые рассказывают, запоминаются. Истории, которые говорят назидательно, — забываются.

— Столица называется Торнхейм, — говорила бабушка, глядя в огонь, и огонь слушал её, как слушал, кажется, всё на свете. — Стоит она там, где кончаются холмы и начинается пепельная равнина. Понимаешь, милая, почему её так на-

звали? Не потому, что там пепел. А потому, что там когда-то был город. Другой. Древний.

И бабушка рассказывала то, что рассказывала ей её бабушка.

Двести лет назад, в конце Долгой Войны, на месте нынешнего Торнхейма стоял город человека по имени Валтарис. Он был богатым, гордым и глупым — особенно глупым. Люди Валтариса нашли в горах драконье гнездовье и решили, что яйцо дракона — это клад: чешуя на доспехи, кровь на эликсиры, а птенец — на потеху владыке. Они забрали три яйца. Три. Драконы не простили этого — ни тогда, ни после. Они сожгли Валтарис дотла, и пепел от него лежал на равнине такой толстой коркой, что не росла трава десятки лет.

А потом случилось то, чего никто не ждал. Старейшая из дракониц — те, кто помнил её, называли её Та-Что-Помнит-Пепел, — прилетела к горящим руинам не добивать, а оплакивать. И там, на пепелище, к ней вышел человек. Историки спорят до сих пор, кто он был: летописец, лекарь, может, просто фермер, потерявший всё. Имя его не сохранилось. Сохранились только его слова, которые высекли потом на первой стене Академии:

«Мы не можем оживить сгоревшее. Но мы можем не сжи-

гать ожившее».

Говорят, они разговаривали три дня. О чём — неизвестно. Известно только, что на четвёртый день Та-Что-Помнит-Пепел поднялась в небо и издала клич, который услышали все драконы от моря до гор. Клич о перемирии. И на месте пепла решено было построить не город и не крепость — академию. Место, где драконы и люди будут учиться вместе и не бояться друг друга. Место, где будет гореть вечное пламя — не войны и не памяти, а договора и мира.

Так родилась Академия Ветра и Пепла.

— Ветер, — бабушка всегда останавливалась на этом месте, — это то, что осталось от людей: люди меняются, как ветер, за этим следят. А пепел — это то, что осталось от драконьей ярости: пепел не меняется, пепел помнит. Пока горит вечное пламя, договора никто не смеет нарушить. Нарушит — и всё это повторится. Только на этот раз не останется ни людей, ни драконов.

«Договор нарушен там, где не ждут».

Кира сидела в качающейся повозке и смотрела на дорогу и думала: а вдруг бабушкины истории — это не сказки? Вдруг всё это правда, и пламя шепчет ей именно об этом? Вдруг

кто-то уже нарушил то, что держалось двести лет?

Караван шёл медленно, и у Киры было время рассмотреть Торнхейм, когда он наконец показался за холмом.

Город производил странное впечатление. Он не был ни красивым, ни уродливым — он был правильным. Прямые улицы, каменные дома одного возраста, аккуратные крыши, аккуратные башни. Всё было построено в одно время, одним поколением, на пепле. И от этого город казался не живым, а новым: как если бы кто-то вчера закончил его рисовать и забыл добавить людей. Люди, конечно, были — торговцы, стражники, мальчишки-бегуны, — но Кира не могла отделаться от ощущения, что город стесняется своих жителей. Как будто не до конца их принял.

В центре Торнхейма, на самом высоком холме, стояла Академия. Её было видно издалека: не дворец и не башни, а нечто среднее — огромный каменный массив с арками, переходами и мостами, которые вели от здания к зданию и от здания — к скале. И над всем этим, над самым высоким куполом, горело Пламя Договора. Днём его почти не было видно — только тонкая струйка дыма, поднимающаяся вертикально, как нитка, соединяющая землю с небом. А ночью оно становилось видимым за десятки километров: ровный, спокойный огонь, который никогда не мигал.

Кира смотрела на него из окна повозки и думала: а это пламя шепчет? Или здесь, где всё подчинено дисциплине, оно давно разучилось говорить?

Ворота Академии она прошла вечером. И всё, что случилось после, — встреча с Каем, знакомство с Виви, урок Ордана, сгоревшая карта, — уже было этой странной, длинной ночью, которая ещё не кончилась.

Теперь предстояло идти к ректору.

Следуя за шепотом Кира дошла до стражи. К залу Совета её привели не через главный вход, а через боковую галерею, о существовании которой она бы никогда не догадалась. Длинный коридор с окнами во внутренний двор, тихие шаги стража впереди, запах воска и остывшего угля. Стражник не разговаривал. Он просто шёл и изредка оглядывался — не с недоверием, а с чем-то вроде вежливого любопытства.

Двери зала Совета были высокими, из тёмного дерева, с бронзовыми кольцами в форме драконьих лап. Стражник постучал один раз — коротко, как принято у своих, — и отступил в сторону.

— Входи, — раздалось изнутри.

Зал Совета оказался меньше, чем Кира ожидала. Не тронный чертог, а скорее просторная комната с круглым столом посередине и широким окном во внутренний двор, за которым уже густели сумерки. За столом сидел один человек. Или не совсем человек — Кира так и не смогла решить.

Ректор оказался невысоким. Его волосы были собраны в аккуратный пучок на затылке, борода короткая и ухоженная, руки — в отличие от рук Ордана — выглядели как руки учёного, а не воина: длинные пальцы, аккуратные ногти. Но глаза… Глаза были старыми. Не по форме — по взгляду. Так смотрит не старый человек, а существо, которое видело слишком многое, чтобы чему-то удивляться.

— Кира, — сказал он вместо приветствия. — Из Сольвены. Слышащая.

Кира сглотнула.

— Я знаю о тебе всё, что нужно знать, — ректор указал на стул напротив. — Садись.

Кира села. Стул оказался слишком высоким — так, что ноги чуть не касались пола, и она почувствовала себя маленькой девочкой, которую вызвали к директору на ковер за

некую провинность. Что, в сущности, было недалеко от правды.

— Меня зовут Ректор Вален, — сказал он. — Я возглавляю Академию уже двадцать девять лет. За это время через этот зал прошли сотни студентов. И лишь пятеро из них оказались «слышащими».

— Пятеро? — вырвалось у Киры.

— Пятеро, — повторил ректор. — И все пятеро были такие же, как ты: напуганные, из мест, где о них никто не знал, с даром, который проявился слишком рано. И все пятеро… — он остановился, и Кира увидела, как в его глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление. — Пусть будет так. Не все пятеро закончили хорошо. Четверо закончили плохо. И один — не закончил вовсе.

— Что значит «не закончил»?

— То и значит, что не закончил, — ректор не отвёл взгляд. — Я говорю это не для того, чтобы напугать тебя. Я говорю это, чтобы ты поняла масштаб. «Слышащие» — это не просто одарённые. Это те, кто умеет то, чего не умеет никто в этой академии, включая меня. И это одновременно и дар, и приговор. В зависимости от того, как с этим обходиться.

Кира молчала. Она не знала, что ответить, и чувствовала, как снова начинают потеть ладони. Она сжала кулаки, чтобы не поднести руки к лицу.

— Скажи мне, Кира, — ректор сложил пальцы, — когда огонь заговорил с тобой впервые?

— Три года назад. В лавке старого Мадда. Тогда… — она запнулась. — Тогда это были не слова. Просто… ощущение, что огонь смотрит на меня.

— А сейчас?

— Сейчас он говорит. Словами. Сегодня я услышала… — Кира осеклась. Она не собиралась говорить это вслух, но слова уже вырвались. — Сегодня я услышала, что договор нарушен.

В зале стало очень тихо.

Ректор смотрел на неё так долго, что Кире начало казаться, что она сделала что-то непоправимое. Потом он медленно откинулся на спинку стула.

— Значит, пламя заговорило с тобой раньше, чем ты да-

же успела научиться его слушать, — сказал он наконец. — Это не бывает без причины. Либо ты исключительно сильная. Либо что-то в этом академическом камне решило, что тебе можно верить. Либо… — он не закончил.

— Либо что? — тихо спросила Кира.

— Либо пламя пугается, — сказал ректор. — А это, Кира, куда хуже, чем думать, что оно тебя выбрало. Пламя, которое боится, — это пламя, которое чувствует опасность. И если вечное пламя над Академией боится… — он встал и подошёл к окну. — Пойди посмотри.

Кира встала и подошла к окну. Внизу, во внутреннем дворе, студенты стояли кучками, о чём-то переговаривались, и от этой картины веяло обычной жизнью. Но в самом центре двора, на невысоком пьедестале, горела копия Пламени Договора — маленькая, в металлической чаше, для тех, кто не может подняться к большому. И даже отсюда, с высоты второго этажа, Кира слышала его шёпот — тонкий, дрожащий, как струна.

— Оно горит со времён основания, — сказал ректор за её спиной. — Никогда не гасло. Ни в грозу, ни в снегопад, ни в дни, когда договор был на волоске. Я смотрю на него двадцать девять лет. И впервые за эти двадцать девять лет… —

он вздохнул. — Впервые я не могу понять, о чём оно думает.

Кира обернулась.

— А вы сами не слышите его?

Ректор посмотрел на неё так, как смотрят на ребёнка, который спросил что-то слишком простое и слишком сложное одновременно.

— Никто не слышит, — сказал он. — Пламя говорит только со «слышащими». И за двести лет их было мало. А за последние сто… — он осёкся. — За последние сто лет — только ты и те четыре несчастья, о которых я говорил.

— Что с ними случилось? — Кира не смогла сдержаться.

— С ними случилось то, что случается с теми, кто слышит, но не умеет молчать, — ректор вернулся к столу и сел. — Один вступил в сговор с кланом Эмбер, попытался использовать дар в их интересах. Его нашли мёртвым в году его выпускного. Вторая уехала домой посреди учебного года и больше не вернулась. Третья сошла с ума от того, что не могла перестать слышать: пламя говорило с ней постоянно, днём и ночью, и не давало спать. Четвёртый… — ректор на мгновение прикрыл глаза. — Четвёртый был способнее

всех. И погиб при испытаниях, которые, как я теперь понимаю, были подстроены.

— А пятый? Тот, который не закончил?

Ректор долго молчал.

— Пятый, — сказал он наконец, — это та история, которую мы обсудим, когда ты будешь готова её услышать. Не сейчас. Сейчас мне нужно от тебя другое.

— Что?

— Три вещи. Первое: ты будешь учиться так же, как все, но с дополнительными занятиями с Орданом. Он старый, суровый, и он знает о «слышащих» больше, чем любой из нас. Он будет тебе хорошим наставником. Прими это.

— Второе?

— Второе: ты никому не расскажешь, что слышала сегодня. Ни студентам, ни преподавателям, ни драконам. Слово «слышащая» уже слишком много значит в этой Академии, и если оно пойдёт по коридорам, ты не будешь принадлежать себе.

— А если кто-то уже знает? — Кира вспомнила лицо Ордана, вспомнила его вопрос.

— Ордан понял, потому что он дракон и слышал о «слышащих» в других поколениях, — сказал ректор. — Но догадываться — не означает знать наверняка. Сделай так, чтобы для остальных так и осталась.

— А третье?

Ректор встал. Он был невысоким, но в этот момент казался выше.

— Третье, — сказал он, — это то, что я скажу тебе впервые за двадцать девять лет. И ни одному из пятерых я этого не говорил. — Он обошёл стол и остановился перед Кирой. — Если пламя заговорит с тобой снова — не слушай его молча. Приходи ко мне. В любое время дня и ночи. Я не обещаю, что пойму. Но я обещаю, что не предам. Ты можешь доверять только мне и Ордану.

Кира смотрела на него и не могла поверить. Она приехала сюда, ожидая, что её будут запугивать, проверять, испытывать. А ректор, о котором все говорят как о железном и холодном, только что пообещал ей — впервые в её жизни — что не предаст.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не благодари, — ректор махнул рукой. — Иди. Ты пропустила ужин, и столовая скоро закроется. Хотя… — он посмотрел на часы над дверью. — Хотя для новеньких обычно оставляют. Пойди, поешь. И запомни: завтра у тебя первый настоящий день. Не опаздывай.

Уже у двери Кира остановилась.

— Ректор… а Кай? Почему он заступился за меня?

Ректор посмотрел на неё поверх очков.

— Кай Тарен — загадка, которую я не могу разгадать, — сказал он. — Он не такой, каким должен быть наследник Первого Пламени. И это одновременно и хорошо, и очень, очень плохо. Иди.

Кира вышла. Двери за ней закрылись мягко, без звука.

Столовую она нашла по запаху — и по тому, что коридоры к ней стекались, как ручьи к реке: студенты уже выходили из столовой плотным потоком, а Кира просто пошла туда, откуда поток начинался

Столовая Академии оказалась огромной: длинные столы, скамьи, высокие окна с витражами — тёмными сейчас, вечером, и потому почти чёрными. Еда на длинном столе у стены уже остывала, но была накрыта — дежурная оставила, как и обещал ректор. Кира взяла суп, хлеб и что-то похожее на запеканку и села за самый дальний стол, где никого не было.

Не успела она сделать первый глоток, как напротив с грохотом опустился поднос.

— Так. Нет. Это не обсуждается, — Виви плюхнулась напротив с видом человека, который занял место навсегда. — Ты думаешь, я не заметила, что тебя увели после занятия? Ордан увёл тебя, затем тебя не было на ужине. За три часа, мне кажется, ты успела пережить больше событий, чем я за весь прошлый год. Делиться будешь?

— Я не могу… — начала Кира.

— Можешь, — Виви ткнула вилкой в её сторону. — Но не сейчас. Я вижу, что тебе есть что сказать, и вижу, что ты сейчас не готова. Поэтому будем считать, что ты мне задолжала рассказ. А я, между прочим, долги помню лучше, чем расписание.

Кира чуть улыбнулась. Впервые за весь день.

— Ты уже поселилась? — спросила она.

— Ага. Комната двести четырнадцатая. Второй корпус, восточное крыло, — Виви подняла бровь. — А ты?

— Меня ещё не заселили. Мне сказали, что ключи у дежурной.

— У дежурной в первом корпусе, я провожу.

Они доели молча — Виви, на удивление, умела молчать, когда это было нужно, — и пошли заселяться. Дежурная, пожилая женщина с добрыми глазами выдала ключи с биркой. На ней было написано — двести четырнадцать. Киира обрадовалась, что Виви будет её соседкой

Комната оказалась небольшой, с двумя кроватями, двумя столами у окна и маленьким камином в углу. На одной кровати лежали вещи Виви — раскрытый чемодан, поверх которого уже висела шаль явно не её цвета. Вторая кровать была пустой — но не «ничьей», а приготовленной: свежее бельё,
и аккуратно сложенное одеяло.
А на столе у окна стояли учебники.

Кира замерла на пороге. Ряда аккуратно перевязанных бечёвкой томов, стопка чистых тетрадей, чернильница из темного стекла, набор перьев в кожанном футляре и — сверхусложенная мантия. Всё это лежало на её половине комнаты так буднично, будто ждало хозяйку не один день.

— Это… — она вошла и осторожно взяла первую попавшуюся книгу. «Основы стихий. Том первый: Пламя». Переплёт был старым, но станицы- новыми, будто книгу переписали заново. — Это для меня?

— Стандартный набор новичка. Академия все выделяет, необходимое для учебы.

— Ну вот, — Виви хлопнула ладонью по спинке кровати. — Официально: ты моя соседка. И не вздумай отказываться — я уже мысленно расписала, как мы будем делить шкаф и кто первый идёт в душ по утрам. Кира осторожно провела ладонью по ткани мантии. Она была серо-пепельной, как у всех студентов, но мягче, чем выглядела, — и тёплой, будто её кто-то недавно снял с огня.

— А остальное? — она раскрыла следующую книгу: «История Договора. Хроники от основания до наших дней». Под ней лежала ещё одна, тоньше, без названия — только выжженный на обложке знак полумесяца из языков пламени, такой же, как на колоннаде.

— О-о, — Виви наклонилась, разглядывая тонкий томик. — Это тебе отдельно положили. Так бывает только в двух случаях: когда студенту дают материал сверх программы… или когда Академия хочет, чтобы он что-то прочитал до того, как его спросят. Вторая книжка — точно второе.

— А что в ней?

— Открой и посмотри, — Виви пожала плечами. — Я такие книги не читаю. Говорят, от них пропадает аппетит. А аппетит в Академии — это святое.

Кира потянулась было к тонкому тому, но наткнулась взглядом на лист плотной бумаги, подложенный под стопку учебников. Она подняла его: расписание. Аккуратные графы, аккуратный почерк, ни одной помарки.

— Смотри, — она провела пальцем по строкам. — Основы стихий. История Договора. Медитация и контроль… Ой.

— Что «ой»?

— У тебя после обеда добавлено что-то, чего у меня нет. — Кира перечитала строку, потом ещё раз. — «Индивидуальные занятия. Наставник Ордан. Ежедневно, третий час

после полудня».

Виви замолчала. Она протянула руку, забрала у Киры лист и посмотрела на него так внимательно, будто проверяла, настоящий ли он.

— Каждый день? — переспросила она наконец. — Ежедневно?

— Так написано.

— Хм. — Виви вернула расписание и села прямее. — Знаешь, индивидуальные занятия тут бывают у двоих: у неудачников, которых дожимают до отчисления, и у тех, в ком что-то увидели. С неудачниками расписание составляют один раз и не меняют. А твоё, судя по почерку, писали вчера. Свежие чернила, видишь? Значит, решение принимали по горячим следам.

— Что он будет со мной делать? — тихо спросила Кира.

— Не знаю, — Виви пожала плечами. — Но если Ордан взялся за тебя лично, значит, он увидел в тебе что-то, что имеет огромное значение.

Кира улыбнулась, и улыбка вышла не натянутой, а насто-

ящей — впервые за день.

Они разобрали вещи — немного, всего по паре сумок. У Киры там были только свёртки с одеждой, старая карта Сольвены, которую бабушка обвела по краю чернилами, и маленький мешочек с солью: «На всякий случай. Соль отгоняет дурное». Виви же тащила с собой столько, что хватило бы на маленькую лавку: баночки, склянки, три разных вида расчёсок, книгу по астрономии, ещё одну — по ядам, и коробку с печеньем, которое, по её словам, «спасает от всех бед, кроме пожара».

— Ты собираешься варить яды или сдавать экзамены? — не удержалась Кира.

— И то, и другое, — без тени смущения ответила Виви. — В Академии всё связано. Если не знаешь даже то, какой корень успокаивает, ты не сможешь вылечить того, кто выпил яд.

Когда всё было разложено, Виви села на свою кровать, подогнула ноги и посмотрела на Киру очень серьёзно.

— Теперь рассказывай. Всё. От момента, когда ты вошла в ворота, до того, как тебя увели к ректору. Я не буду смеяться, не буду перебивать, и даже если это звучит как бред

сумасшедшего — я просто кивну и скажу: «Ага, понятно». Потому что здесь, в Торнхейме, бред — это иногда самая правдивая вещь.

Кира хотела сказать, что не может. Что ректор запретил. Что слово «слышащая» нельзя произносить вслух. Но слова сами полезли наружу — не все, не целиком, но достаточно, чтобы Виви слушала, не моргая, и только иногда кивала.

Про огонь, который шепчет. Про слова: «Договор нарушен». Про взгляд Ордана, в котором было столько знания, что становилось страшно. Про ректора, который не пугал, а предупреждал.

— Значит, ты особенная, — сказала Виви, когда Кира замолчала. — Не в смысле «лучше других», а в смысле «на тебя смотрят». И не только люди.

— Мне от этого не легче.

— Знаю. Но знаешь, что помогает? Не прятаться. Не делать вид, что ничего не происходит. А делать вид, что это просто ещё один предмет в расписании. «Понедельник, утро — алгебра. Вторник — история. Среда — я слышу, как пламя шепчет о нарушенном договоре». Когда ты называешь это буднично, оно перестаёт быть таким страшным.

Кира усмехнулась.

— Ты всегда такая… спокойная?

— Нет. Просто я долго училась притворяться спокойной. В Академии это как форма: надеваешь и идёшь.

За окном уже стемнело, и в комнате стало тихо. Только в камине слабо потрескивали дрова, будто тоже прислушивались.

— Ложись спать, — сказала Виви. — Завтра первый настоящий день. Будет лекция по основам договора, потом практика у Ордана — и да, я пойду с тобой. Официально я не твоя тень, но неофициально — я помогу.

Кира легла, укрылась одеялом и закрыла глаза. Она думала. Что не уснет — слишком много мыслей, слишком много чужих лиц и слов, слишком громко стучало сердце. Но усталость все-таки накрыла её, как тяжелое одеяло, и сон пришел быстро, почти грубо, без прилюдий.

Только вот сон этот не был спокойным.

Сначала ей снился караван: скрипучие колёса, запах мок-

рой шерсти, ветер, который будто пытался что-то прошептать, но слов не разобрать. Потом картинка сменилась — Кира стояла посреди пустого двора Академии, только вместо студентов вокруг были языки пламени. Они не жгли, но двигались, как живые, изгибаясь, сплетаясь в узоры, и каждый узор складывался в лицо. Лица были не знакомыми, но в них читалось одно и то же: тревога.

«Смтори…. Смотри…. Не пропусти….»

Голос не принадлежал никому. Он был как треск дров, как свист ветра. Как что-то, что звучит внутри самой тишины.

Кира пыталась шагнуть вперед, но ноги не слушались. Пламя подступало ближе, и теперь в его изгибах она видела не лица, а сцены: рушащиеся стены, бегущих людей, дракона, который взмывает в небо, оставляя за собой полосу черного дыма. И в центре всего этого — Пламя Договора. Оно горело, но свет его был не ровным, а рваным, как будто кто-то дёргал за невидимую нить.

«Он уже здесь. Он уже рядом. Не верь тишине…»

Кира резко села на кровати, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Ладони были влажными, а в ушах еще звенело эхо чужого шепота.

Её внимание привлек камин, ведь перед сном она точно видела догорающие угли. Сейчас же пламя бушевало так, как будто в него подкинули дров. Огонь не спал, огонь ждал…

Глава 3

Утро в Академии Ветра и Пепла начиналось не с колокольного звона, а с тишины. Такой плотной, что она сама по себе звучала — будто город задерживал дыхание, чтобы не спугнуть рассвет.

Кира проснулась раньше, чем успела понять, что проснулась. Просто открыла глаза и увидела над собой резной потолок с тонкими линиями узоров, похожими на трещины во льду. На соседней кровати Виви спала, свернувшись калачиком и прижав к себе одну из своих банок — не с ядом, а, как выяснилось вечером, с сушёной лавандой: «Чтобы сны не кусались».

Кира тихо села, спустила ноги на пол. Камень был холодным, но не злым — скорее честным: он сразу давал понять, где ты и что чудес не будет.

В камине всё ещё горел огонь. Ровный, спокойный, будто дрова не догорели, а пересчитали свои силы и решили не спешить. Кира смотрела на него долго и ждала — шёпота, слова, хоть чего-нибудь. Но пламя молчало так старательно, что молчание это казалось нарочитым.

— Ты думаешь так громко, что я просыпаюсь, — пробормотала Виви, не открывая глаз. — Если сейчас скажешь «я не думаю», я тебя стукну подушкой.

Кира улыбнулась.

— Я думаю, что сегодня первый настоящий день.

Виви наконец открыла один глаз.

— Ага. И это значит, что у нас лекция по основам Договора, потом практика у Ордана, а после обеда — распределение по группам. И да, я с тобой. Официально — как соседка. Неофициально — как тот человек, который не даст тебе сбежать в библиотеку и спрятаться за словарём.

Она поднялась, потянулась, глянула на камин — и замерла на секунду. Кира заметила этот взгляд. Виви тоже помнила вчерашний огонь, которого не должно было быть. Но она ничего не сказала — только сделала пометку в маленькой записной книжке, которую всегда носила с собой.

— Что пишешь? — не удержалась Кира.

— Наблюдения. Я же говорила: я собираюсь быть той, кто знает больше других. Начинаю с тебя. Не обижайся.

— Не обижаюсь. Мне даже… спокойнее от этого.

— Взаимно, — Виви улыбнулась и накрутила на палец прядь волос. — Теперь одевайся. Мантия, кстати, сама подгонится. Не спрашивай как.

Мантия и правда подогналась. Кира надела её, и ткань легла по плечам так, будто её шили на неё лично. Серо-пепельная, как у всех, — но в первый момент Кира показалось, что она чуть теплее остальных мантий. Или ей так казалось, потому что она сама ещё горела вчерашним днём.

Столовая встретила их гулом — бодрым, дневным. Студенты смеялись, спорили, хлопали друг друга по плечам, и в этом шуме Кира вдруг почувствовала себя не чужой. Не своей, нет. Но и не совсем посторонней.

— Смотри, — Виви ткнула вилкой в сторону дальнего стола. — Там сидит Кай. Не смотри! Ну то есть смотри, но не так, будто ты его видишь впервые. Он терпеть не может, когда на него пялятся.

Кира не удержалась и посмотрела. Кай сидел вполоборота, рядом с ним — парень с тёмными волосами и слишком прямой спиной, будто ему вшили в позвоночник железную пал-

ку. Они о чём-то говорили, и лицо Кая было таким спокойным, что становилось не по себе: как будто он знал что-то, чего не знал никто другой.

— Кто это с ним? — тихо спросила Кира.

— Это Эдан. Наследник клана Эмбер. Ходят слухи, что он должен был стать следующим ректором, но Вален его не взял. Теперь Эдан ходит по Академии, как по минному полю: ищет, где можно подложить мину.

Кира хотела спросить ещё, но Виви уже тащила её к выходу.

Лекция по основам Договора проходила в круглом зале с высокими окнами и стенами, увешанными свитками. Преподаватель, профессор Лир, был невысоким, седым, и говорил так, будто каждое слово приходилось выковывать из камня.

— Договор — это не бумага, — говорил он, расхаживая между рядами. — Договор — это дыхание. Он живёт, пока мы помним, зачем он был нужен. Он умирает, когда мы начинаем думать, что можем обойтись без него.

Студенты кивали, кто-то записывал, кто-то смотрел в окно. Кира слушала и думала о том, что пламя шептало ей но-

чью: «Договор нарушен». И теперь эти слова звучали не как бред, а как эхо лекции.

Лир остановился у окна и посмотрел на колоннаду во дворе — на вырезанные имена, на маленькие полумесяцы из языков пламени. Он смотрел так долго, что зал затих.

— История Договора, — сказал он наконец, поворачиваясь, — это история тех, кто сумел услышать. И тех, кто не сумел. К следующей паре прочтите главы с третьей по пятую. Смещение завтрашнего обсуждения на «что бы вы сделали на их месте» — обязательно.

И остаток пары он провёл молча, глядя в свой конспект так, будто там было написано что-то, чего там не было.

Когда занятие закончилось, Виви схватила Киру за руку.

— Не стой тут, как статуя. Сейчас начнётся самое неприятное.

Практика у Ордана.

Зал для практических занятий был тем же, что и в день приезда: холодный, каменный, с запахом угля и чего-то металлического. Ордан стоял у стены, скрестив руки, и смот-

рел на студентов так, будто они были не учениками, а проблемой, которую ему предстояло решить.

— Сегодня мы будем учиться слушать, — сказал он, не повышая голоса. — Не ушами. Не сердцем. А тем местом, которое вы сами не можете назвать. Тем, которое просыпается, когда рядом огонь.

Кира почувствовала, как у неё похолодели пальцы.

Ордан прошёл между рядами, останавливаясь у каждого студента, заглядывая в глаза, будто пытаясь увидеть что-то за радужкой. Когда он подошёл к Кире, его взгляд задержался чуть дольше.

— Ты, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она. — Сегодня ты стоишь в первом ряду. И не смотри на меня так, будто боишься. Бояться будешь потом. Сейчас — слушай.

Он подошёл к чаше в центре зала, где уже тлел уголь.

— Закройте глаза, — скомандовал Ордан. — И слушайте. Не слова. Не звуки. То, что между ними. То, что заставляет пламя дрожать.

Кира закрыла глаза. Сначала она слышала только тишину, плотную и тяжёлую. Потом — шёпот. Тонкий, едва уловимый, как царапина на стекле.

«Он уже здесь…»

Кира сжала кулаки, чтобы не вздрогнуть. «Он»? Кто он? Пламя обрывало себя, как будто самого торопило.

— Достаточно, — голос Ордана прозвучал резко. — Открывайте глаза.

Все открыли. Все, кроме Киры. Она ещё секунду стояла с закрытыми глазами, пытаясь удержать этот шёпот, как будто он был чем-то важным, чем-то, что нельзя было терять.

— Новенькая, — Ордан смотрел прямо на неё. — Ты что-то услышала?

Кира медленно подняла глаза.

— Да, — сказала она. — Но не слова. Просто… ощущение.

Ордан кивнул, будто именно этого и ждал.

— Хорошо. Значит, ты не пустая. А теперь запомни: в этом зале мы не ищем смысл. Мы ищем контроль. Если ты не сможешь контролировать то, что слышишь, оно начнёт контролировать тебя.

После занятия он задержал её, когда все уже расходились. Виви колебалась у дверей, но Кира кивнула ей: иди, я догоню.

— Сядь, — сказал Ордан, указывая на скамью у стены. Сам он остался стоять у чаши. — Ты слышишь. Это уже не догадка, это диагноз. И как всякий диагноз, он требует лечения.

— Я не больна.

— Все слышащие больны, пока не научатся отделять одно от другого, — Ордан повернулся к ней. В этот раз его глаза не казались чёрными. Просто очень старыми. — Запомни первое правило. Не пытайся понять. Пытайся отделить свой страх от шёпота. Страх всегда громче, а пламя всегда честнее. Когда не понимаешь, кто говорит с тобой, — спрашивай себя: чего мне сейчас страшно? Если ответ найдёшь — это страх. Если нет — пламя.

— А если мне страшно и пламя об этом говорит?

Ордан усмехнулся — впервые. Одним уголком рта.

— Тогда тебе очень не повезло. Или очень повезло. Здесь это одно и то же.

Он взял со стола тетрадь — простую, в серой обложке — и протянул ей.

— Три дня подряд записывай всё, что слышишь. Даже бессмыслицу. Особенно бессмыслицу. Бессмыслица — это слова, которые пламя произносит шёпотом, потому что боится сказать вслух. Через три дня принеси мне. И, Кира…

— Да?

— Не рассказывай никому. Ни подруге, ни соседке, ни наследнику Первого Пламени. Ты теперь не принадлежишь себе, пока я не скажу, что можешь снова.

Кира взяла тетрадь. Обложка была прохладной, как камень пола.

Распределение по группам происходило в кабинете ректора — небольшие группы по десять человек, списки на пергаменте, голос Валена, ровный и спокойный, как тиканье ча-

сов.

— Третья группа, — говорил он, перечисляя. — Куратор — наставник Ордан. Кира из Сольвены…

Кто-то в комнате тихо выдохнул. Кто-то — может быть, Эдан, стоявший у стены со своим списком, — чуть улыбнулся.

Кира сделала шаг вперёд.

И этот шаг был уже не шагом новенькой. Это был шаг студентки Академии Ветра и Пепла.

Выйдя в коридор, она увидела Кая. Он шёл навстречу с учебниками под мышкой и, поравнявшись с ней, не остановился — только едва заметно кивнул. Коротко, буднично, так, как кивают тем, кому хотят сказать: «Ты справишься». И прошёл мимо.

Вечером Кира сидела за столом у окна и заполняла дневник. Писала обрывки: «он уже здесь», «не верь тишине», «шов трескается» — последнее она почему-то была уверена, что слышала, хотя точно знала, что этого слова не было ни в лекции Лира, ни у Ордана.

Она перевернула страницу — и что-то кольнуло палец.

Между страницами, в самом низу тетради, лежала тонкая пластинка из обожжённой глины. Круглая, с неровным краем, тёплая на вид — но когда Кира подняла её и приложила к ладони, ожёг холодом. Как лёд, только глубже — будто холод шёл не от поверхности, а изнутри.

На пластинке был выдавлен знак. Маленький, полустёртый — полумесяц из языков пламени. Тот самый, что на колоннаде. Только…

Кира поднесла пластинку к свече и повернула. Полумесяц смотрел в другую сторону. Зеркальный.

Она не знала, что это значит. Но ладонь, к которой она прижимала пластинку, помнила этот холод ещё долго после того, как Кира завернула её в тряпицу и убрала на дно сундука.

Перед сном, когда Виви уже посапывала, а камин снова потух до последних красных точек, Кира лежала, глядя в потолок.

И тогда из камина — тихо, едва различимо, как из-под воды — донёсся шёпот.

«Кира».

Не «она». Не «слушающая». Не «новенькая».

Кира.

Глава 4. Правила пепла

Она лежала неподвижно, с открытыми глазами, и сердцем слушала, как пламя повторяет — уже тише, уже настойчивее:

«Кира… Кира…»

И вспомнила слова Асгрима. Стоп. Не Асгрима. Она не знала никакого Асгрима. Она вспомнила слова, которых никто ей не говорил, но которые сидели в голове так плотно, будто были там всегда: «Когда огонь назовёт тебя по имени второй раз — не отвечай сразу. Сначала спроси, как звали тех, кто отвечал».

«Второй раз», — подумала Кира. Значит, первый был. Когда? Во сне? В первую ночь, когда пламя сказало «ты наконец пришла»? Или раньше — в Сольвене, в лавке Мадда, когда ей было двенадцать, и она думала, что огонь просто смотрит?

Она спросила — беззвучно, одними губами:

— Как звали тех, кто отвечал?

Шёпот замер. Пламя в камине дрогнуло — один раз, как человек, которого окликнули не тем именем. И замолчало. До утра.

Кира не спала почти до рассвета, но в конце концов сон всё-таки забрал её — короткий, без снов, серый, как до рассвета небо.

Утром Виви поймала её в коридоре и, не здороваясь, ткнула пальцем в исписанный листок.

— Так. Слушай внимательно, потому что повторять не буду. Правила выживания в Академии, расширенное издание. Первое: за восточным столом в столовой сидят Эмберы. Не садись туда даже если тебя пригласят. Особенно если пригласят.

— Почему?

— Потому что приглашение от Эмберов — это не приглашение, это дресс-код долга. Второе: не опаздывай к Ило. Она не ругается — она просто ждёт. И её ожидание страшнее любой ругани. Третье: если в коридоре пахнет жжёным полыном, значит, рядом Ордан. Притворись, что тебе туда не надо.

— А четвёртое?

— Четвёртое, — Виви загнула палец, — самое важное. В этой Академии все выглядят так, будто всё понимают. На самом деле никто ничего не понимает. Просто у кого-то это получается убедительнее.

Первым уроком была «Медитация и контроль» — предмет, о котором Кира никогда не слышала. Ведущая его, наставница Ило, оказалась женщиной лет пятидесяти, тихой и гладкой, как речная галька. В её кабинете не было ни жаровен, ни чаш — только стол, на котором стояли пять свечей.

Пять свечей горели ровно. Ни одна не дрожала.

— Садитесь, — сказала Ило. — Сегодня я объясню вам,

почему огонь засыпает.

Она рассказывала сорок минут, и Кира слушала, забыв про дневник, про шёпот, про всё. Ило говорила о том, что пламя — живое, и что у живого есть ритм, и что ритм можно не ломать, а ложиться в него, как в течение реки. Кира смотрела на её свечи и понимала, что это не фигура речи: свечи Ило не горели — они дышали. Медленно, глубоко, в такт её голосу.

А потом Ило подошла к Кире и остановилась.

— У тебя, — сказала она негромко, — огонь не спит. Даже когда ты спишь. Я это вижу по тому, как ты сидишь: слишком прямо, как будто тебя держит невидимая нить.

— Это плохо?

— Это не хорошо и не плохо. Это — нагрузка. Держать пламя бодрствующим — тяжело. Ты устаёшь больше, чем тебе кажется. Сегодня я не буду тебя мучить. Просто сиди и слушай свой ритм. Найди его. У тебя он есть — просто он громче, чем у других.

Весь урок Кира пыталась найти свой ритм. И нашла — но не свой. Где-то глубоко, под собственным дыханием, она услышала второй: медленный, тягучий, похожий на дыхание очень большого существа.

«Это не ты», — сказал вдруг её собственный внутренний голос. — «Это он. Тот, кто смотрит на тебя через свечи».

Кира открыла глаза. Ило стояла у окна и смотрела на неё.

— Ты нашла?

— Я нашла… что-то. Но я не уверена, что это моё.

Ило молчала несколько долгих секунд. Потом сказала то, от чего у Киры похолодело в груди:

— Значит, ты готова к следующему шагу. Потому что следующий шаг — это как раз научиться отличать своё от чужого.

После уроков Виви сдержала обещание: провела Кире «экскурсию по кастам».

— Вот, смотри. За северным столом сидят наследники старых родов — Тарены, Лиссы, Хальворды. Они друг с другом не разговаривают, но сидят вместе, потому что их так учили с детства. За западным — будущие целители и алхимики. За южным — случайные люди вроде меня. А за восточным…

Восточный стол был пуст. Только Эдан сидел во главе его, один, с раскрытой книгой, которую явно не читал.

— Он всегда один? — спросила Кира.

— Всегда. Эмберы — это много народу, но за этим столом сидят только те, кому клан разрешил. Видишь эти пустые места? Это его «свита». Она появляется, когда ему нужно, чтобы на него смотрели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.